

КОНСОЛІДОВАНОМУ

ПРОВОДУ

ПРОЕКТ «КП»

Поэтические параллели Великой степи и Старого Света

Творчество жырау Кожабержена, 350-летие которого в нынешнем году отмечает общественность Казахстана, дало мощный толчок развитию национальной исторической науки.

Ханкельды **АБЖАНОВ**, директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, член-корреспондент НАН РК

Одним из ярких и талантливых литераторов XVIII века являлся, безусловно, жырау Кожабержен, поэтическое творчество которого развивалось в полном соответствии с европейскими канонами исторической науки. Эпоха, в которую он жил и творил, была временем судьбоносных перемен, порой крайне трагических. Именно в это время перед казахами как никогда остро стоял вопрос: быть или не быть? Необъятные земли Казахского ханства рассматривались правителями амбициозной Джунгарии, цинского Китая и царской России как «лакомый кусок». Покорение Сибири разбойниками атамана Ермака, набеги джунгар, а также рост влияния Китая на северных соседей определили судьбу и содержание творчества легендарного жырау, сыгравшего не последнюю роль в спасении казахского народа от истребления.

Кожабержен Толыбайулы (1663–1763) родился на севере Казахстана (ныне Джамбулский район Северо-Казахстанской области). Здесь же покойся его прах. Его мать Акбилек была старшей дочерью известного в те времена бая Айдабала, а отец Толыбай (1603–1680) прославился как талантливый военачальник. Родители отправили своего сына учиться в медресе Самарканда, Ургенча и Бухары, где он получил фундаментальное для своего времени образование, освоил древнетюркский, арабский, персидский языки, читал литературные и научные шедевры Востока. Как и отец, Кожабержен стал военачальником и почти четверть века возглавлял казахские войска, участвуя в сражениях против джунгарских захватчиков. Его полководческий талант и созидательный потенциал высоко ценил Тауке-хан. Однако широкую известность Кожабержену принесли его литературные произведения. О них тепло отзывались многие представители современной творческой интеллигенции, включая Машхур-Жусупа Копеева, Султанмахмута Торайгырова и Манаша Козыбаева.

В условиях, когда казахский народ переживал непрерывные нападения со стороны джунгар, времени для творческой работы полководцу Кожабержену (как и другим жырау и акынам) не оставалось. Именно поэтому XVIII век оставил крайне мало исторических трудов, принадлежащих собственно казахскому обществу. Тем не менее можно утверждать, что в эпоху Просвещения казахи обладали глубоким историческим знанием. Каждый прекрасно знал генеалогию жузов и своих предков до седьмого колена, гордился подвигами багиров и мудрыми решениями биев. Несмотря на военную обстановку, устная историология в Степи не прерывалась. О высоком уровне исторического сознания своего времени Кожабержен-жырау писал (дословный перевод):

*Возродившись вновь,
Народ образовал ханство.
Историю тюрков,
Истари знаем глубоко.*

Творческое наследие плеяды высокоодаренных акынов и жырау XVIII века, к которым, безусловно, принадлежал Кожабержен Толыбайулы, свидетельствует, что они в совершенстве знали базовые принципы научного познания национальной истории. Хотя, еще раз повторю, история Казахстана как научная дисциплина к тому времени еще не успела сложиться.

Все познается в сравнении. Для того чтобы вычлнить сущность исторической мысли казахского общества XVIII века, думаю, следует обратиться ретроспективный взгляд на достижения европейской исторической науки. Во-первых, в Европе XVIII века история как сфера человеческой деятельности достигла уровня самодостаточности. Труды Боллингброка «Письма об изучении и пользе истории», Мабли «Об изучении истории. О том, как писать историю», Вольтера «Философия истории», Гердера «Идеи к философии истории человечества», Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», Вико «Основания новой науки об общей природе наций», Шиллера «В чем состоит изучение мировой истории, и какова цель этого изучения» обеспечили переход от событийного видения к комплексно-концептуальному осмыслению прошлого. Во-вторых, благодаря интеллектуальным поискам и достижениям были сформулированы требования к теоретико-методологическим основам исторической науки Европы. Во многом благодаря этим достижениям XVIII век вошел в историю Европы как эпоха Просвещения. Рационализм и прагматизм активно развивавшихся в то время производственных отношений вовлекли в свою орбиту все сферы жизни людей, в том числе и ученых-историков.

В казахской Степи тем временем историческая мысль продолжала развиваться в контексте литературного движения. Подтверждением тому служит поэзия Кожабержена, полная трагизма и переживаний за судьбу народа, стоявшего на грани выживания. Не случайно XVIII век в истории казахов Ч. Валиханов называл «ужасным» и «кровавым». Во многом по этим причинам тормозилось становление истории как науки. И вновь, вопреки обстоятельствам, в казахском обществе того времени можно наблюдать первые точки соприкосновения процесса познания прошлого и настоящего. Важность этого научного процесса признала и европейская историческая наука, которая одним из условий движения к истине называла критическое осмысление источников с учетом их разнообразия и происхождения. Боллингброк писал: «Критика от-

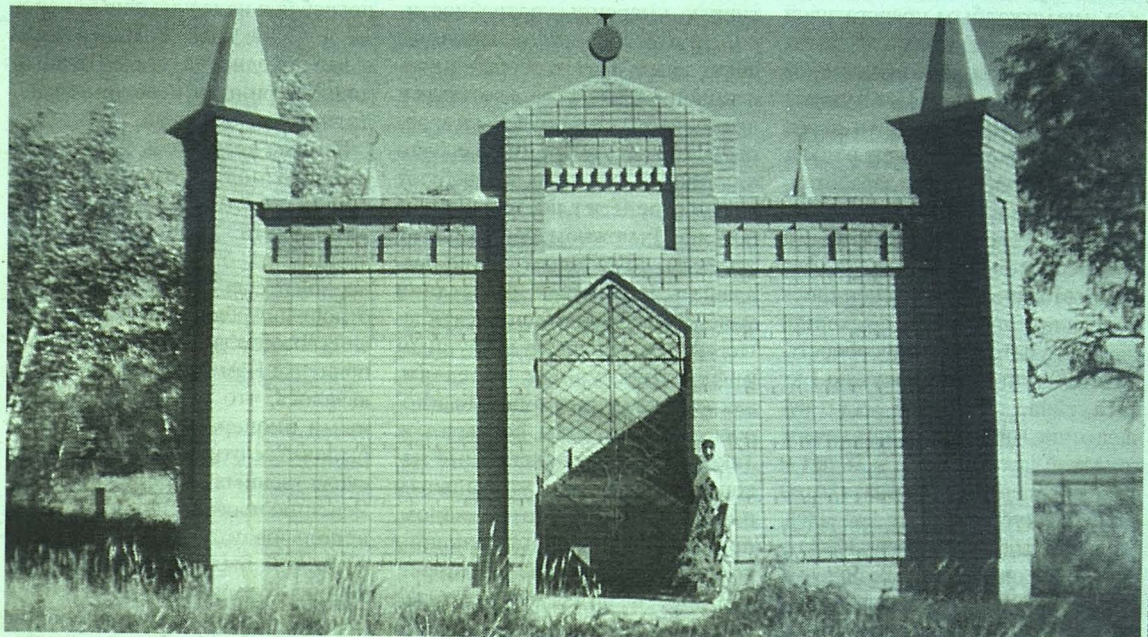

фото из архива

деляет руду от породы и извлекает из различных авторов всю историческую правду». Примерно в таком же духе размышлял и Кожабержен-жырау (дословный перевод):

*«Тарих» – арабское слово,
В казахский язык вошло.
Не отвергай это слово,
Если любишь знание.*

Он подверг критике книгу Абулгази Бахадур (XVII век) «Шаджарайи тюрк» («Генеалогия тюрков») за легковесное игнорирование жузовского деления казахов (дословный перевод):

*Дорогие мои три жуза,
Не обижайтесь на Абулгази.
Написанную им генеалогию
Считаю бессистемной.
Не указав Казахское ханство,
Допустил несправедливость.*

Такая актуализация важных составляющих отечественной истории созвучна идее Мабли о том, что историк «выбирает среди них те, что наиболее способны сделать истину возбуждающей и приятной для ума». Европейские современники казахского мыслителя, не отвергая анализа причинно-следственных связей в истории, роли и места отдельно взятых событий в ней, выдвинули на первый план комплексный подход к историческому процессу. Неспоримые признаки аналогичного толкования национальной истории присутствуют и в поэмах Кожабержена «Елім-ай», «Баба тіл». В них он предпринял попытку воссоздания исторического процесса от саков до середины XVIII века. Так, в следующих его строках, на мой взгляд, заключена квинтэссенция истории Казахстана за последние 2–2,5 тыс. лет (дословный перевод):

*В незапамятные времена
Все тюрки здорововали.
Потомки тех тюрков –
Сарматы, саки, Бактрия
и парфяне.*

*Захватившие чужую землю
насилно,
Калмыки с позором потерпели
поражение.*

*Вернулись казахи к своим
местам,
Поддержанные Аллахом,
духом предков,
Умом сыновей трех жузов.*

В своих произведениях Кожабержен утверждает, что задолго до нашего кагана Чингиза (Чингисхана), на основе консолидации тюркских

этносов, сложилось государство хана Алаша. На этом закончился первый этап истории тюрков. В последующем казахи смогли создать свое суверенное государство, которое, как и другие тюркские государства, пало под ударами полчищ Чингисхана (дословный перевод):

*Непокоренных уничтожил,
С покоренных взял войска.
Чингиз отправился на запад,
Затормозив развитие народа.*

Монгольское господство продолжалось два с половиной века, когда, наконец, в 1465/66 годах под предводительством султанов Керей и Жанибека образовалось Казахское ханство. Кожабержен назвал это вторым рождением национальной государственности (дословный перевод):

*При хане Керее,
Второй раз создав ханство,
Восстановился мой казах,
Обрел душевное спокойствие.*

Анализируя поэтическое наследие жырау, можно вычлнить четыре периода истории Казахстана, раскрыв при этом сущностные черты каждого из них. Кроме того, становится очевидным, что ход исторической мысли казахского интеллектуала гармонически вписывается в методологическое размышление Шиллера, который писал: «... историк отправляется от теперешнего положения вещей и идет назад к их генезису. Когда он пробегает мысленно от текущего года и столетия к непосредственно им предшествовавшему... когда прослеживает весь процесс до самого начала... тогда он получает возможность пойти обратным путем и, имея своей путеводной нитью отмеченные им факты, легко и беспрепятственно опуститься от начала памятников до новейшего времени».

Хочу отметить, что для Кожабержена история являлась, во-первых, результатом деятельности людей, то есть народа, а ее творцами – правители и их окружение. И тут обнаруживается близость теоретико-методологического толкования исторического процесса представителем Великой степи и учеными Старого Света. Ибо по Канту, в основе движения истории лежит разум человека. Вико и Шиллер суть исторического движения видели в различиях культур. «Наблюдая все нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга

огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующих человеческих обычая: все они имеют какую-нибудь религию; все они заключают торжественные браки; все они погребают своих покойников; и нет среди наций, как бы дикие и грубые они ни были, такого человеческого действия, которое совершалось бы с более изысканными церемониями и с более священной торжественностью, чем религиозные обряды, браки и погребения», – писал Вико.

Смысл и назначение исторической мысли казахского общества и Старого Света XVIII века сводились к максимальному использованию ресурсов истории в формировании нравственного облика людей и времени. Кожабержен-жырау призывал (дословный перевод):

*Мусульманский стандарт –
Истина и нравственность.
Прими мою агитацию, юноша,
Сохрани природу.
За осмысление истории,
Не обижайтесь, господи.
Отдай брады правления
всякому,*

Исчезнет язык предков.

Разумеется, я не берусь при этом утверждать, что исторические взгляды жырау безупречны. Например, нельзя оправдать его некорректные высказывания в адрес целых народов и социальных слоев. Кроме того, жырау незаслуженно пренебрежительно, вскользь, мимоходом упоминает имя и дело хана Абылая – легендарного казахского правителя XVIII века.

К сожалению, современная историческая наука не располагает сведениями, подтверждающими завершение казахского этногенеза до монгольского нашествия. Поэтому некоторые сомнения вызывают заявления поэта о тех или иных событиях в нашей истории, в том числе о наличии у казахов собственного алфавита. Однако в целом Кожабержен Толыбайулы, безусловно, достоин занять видное место в национальной истории казахского народа. Его исторические взгляды, выводы и оценки дали огромный толчок становлению исторической науки Казахстана, а на его поэмах воспитывалось не одно поколение казахов.